

Антон Павлович Чехов

Мелюзга

Чехов Антон Павлович

Мелюзга

Антон Чехов
Мелюзга

"Милостивый государь, отец и благодетель!" - сочинял начерно чиновник Невыразимов поздравительное письмо. "Желаю как сей Светлый день, так и многие предбудущие провести в добром здравии и благополучии. А также и семейству жел..."

Лампа, в которой керосин был уже на исходе, коптила и воняла гарью. По столу, около пишущей руки Невыразимова, бегал встревоженно заблудившийся таракан. Через две комнаты от дежурной швейцар Парамон чистил уже в третий раз свои парадные сапоги, и с такой энергией, что его плевки и шум ваксельной щетки были слышны во всех комнатах.

"Что бы еще такое ему, подлецу, написать?" - задумался Невыразимов, поднимая глаза на закопченный потолок.

На потолке увидел он темный круг - тень от абажура. Ниже были запыленные карнизы, еще ниже - стены, выкрашенные во время оно в сине-бурую краску. И дежурная комната показалась ему такой пустыней, что стало

жалко не только себя, но даже таракана...

"Я-то отдежурю и выйду отсюда, а он весь свой тараканий век здесь продежурит, - подумал он, потягиваясь. - Тоска! Сапоги себе почистить, что ли?"

И, еще раз потянувшись, Невыразимов лениво поплелся в швейцарскую. Парамон уже не чистил сапог... Держа в одной руке щетку, а другой крестясь, он стоял у открытой форточки и слушал...

- Звонют-с! - шепнул он Невыразимову, глядя на него неподвижными, широко раскрытыми глазами. - Уже-с!

Невыразимов подставил ухо к форточке и прислушался. В форточку, вместе со свежим весенним воздухом, рвался в комнату пасхальный звон. Рев колоколов мешался с шумом экипажей, и из звукового хаоса выделялся только бойкий теноровый звон ближайшей церкви да чей-то громкий, визгливый смех.

- Народу-то сколько! - вздохнул Невыразимов, поглядев вниз на улицу, где около зажженных площадок мелькали одна за другой человеческие тени. - Все к заутрене бегут...

Наши-то теперь, небось, выпили и по городу шатаются. Смеху-то этого сколько, разговору! Один только я несчастный такой, что должен здесь сидеть в этакый день. И каждый год мне это приходится!

- А кто вам велит наниматься? Ведь вы не дежурный сегодня, а Заступов вас за себя нанял. Как людям гулять, так вы и нанимаетесь... Жадность!

- Какой чёрт жадность? Не из чего и жадничать: всего два рубля денег да галстук на придачу... Нужда, а не жадность! А хорошо бы теперь, знаешь, пойти с компанией к завтра-не, а потом разговляться... Выпить бы этак, закусить да и спать завалиться... Сидишь ты за столом, свяченный кулич, а тут самовар шипит и сбоку какая-нибудь этакая обжешка... 1 Рюмочку выпил и за подбородочек подержал, а оно и чувствительно... человеком себя чувствуешь... Эхх... пропала жизнь! Вон какая-то шельма в коляске проехала, а ты тут сиди да мысли думай...

- Всякому свое, Иван Данилыч. Бог даст, и вы дослужитесь, в колясках ездить будете.

- Я-то? Ну, нет, брат, шалишь. Мне дальше

титутлярного не пойти, хоть тресни... Я необразованный.

- Наш генерал тоже без всякого образования, иначе...

- Ну, генерал, прежде чем этого достигнуть, сто тысяч украл. И осанка, брат, у него не та, что у меня... С моей осанкой недалеко уйдешь! И фамилия преподлейшая: Невыразимов! Одним словом, брат, положение безвыходное. Хочешь - так живи, а не хочешь - вешайся...

Невыразимов отошел от форточки и в тоске зашагал по комнатам. Рев колоколов становился всё сильнее и сильнее. Чтобы слышать его, не было уже надобности стоять у окна. И чем явственнее слышался звон, чем громче стучали экипажи, тем темнее казались бурые стены и закопченные карнизы, тем сильнее коптила лампа.

"Нешто удрать с дежурства?" - подумал Невыразимов.

Но бегство это не обещало ничего путевого... Выйдя из правления и пошатавшись по городу, Невыразимов отправился бы к себе на квартиру, а на квартире у него было еще се-

рее и хуже, чем в дежурной комнате... Допустим, что этот день он провел бы хорошо, с комфортом, но что же дальше? Всё те же серые степы, всё те же дежурства по найму и поздравительные письма...

Невыразимов остановился посреди дежурной комнаты и задумался.

Потребность новой, лучшей жизни невыносимо больно защемила его за сердце. Ему страстно захотелось очутиться вдруг на улице, слиться с живой толпой, быть участником торжества, ради которого ревели все эти колокола и гремели экипажи. Ему захотелось того, что переживал он когда-то в детстве: семейный кружок, торжественные физиономии близких, белая скатерть, свет, тепло... Вспомнил он коляску, в которой только что проехала барыня, пальто, в котором щеголяет экзекутор, золотую цепочку, украшающую грудь секретаря... Вспоминал теплую постель, Станислава, новые сапоги, виц-мундир без протертых локтей... вспомнил потому, что всего этого у него не было...

"Украсть нешто? - подумал он. - Украсть-то, положим, не трудно, но вот спрятать-то муд-

рено... В Америку, говорят, с краденым бегают, а чёрт ее знает, где эта самая Америка! Для того, чтобы украсть, тоже ведь надо образование иметь".

Звон утих. Слышался только отдаленный шум экипажей да кашель Парамона, а грусть и злоба Невыразимова становилась всё сильнее, невыносимей. В присутствии часы пробили половину первого.

"Донос написать, что ли? Прошкин донес, и в гору пошёл"...

Невыразимов сел за свой стол и задумался. Лампа, в которой керосин совсем уже выгорел, сильно коптила и грозила потухнуть. Заблудившийся таракан всё еще сновал по столу и не находил пристанища...

"Донести-то можно, да как его сочинишь! Надо со всеми эквивоками, с подходцами, как Прошкин... А куда мне! Такое сочиню, что мне же потом и влетит. Бестолочь, чёрт возьми меня совсем!"

И Невыразимов, ломая голову над способами, как выйти из безвыходного положения, уставился на написанное им черновое письмо. Письмо это было писано к человеку, кото-

рого он ненавидел всей душой и боялся, от которого десять лет уже добивался перевода с шестнадцатирублевого места на восемнадцатирублевое...

- А... бегаешь тут, чёрт! - хлопнул он со злобой ладонью по таракану, имевшему несчастье попасться ему на глаза. - Гадость этакая!

Таракан упал на спину и отчаянно замотал ногами... Невыразимов взял его за одну ножку и бросил в стекло. В стекле вспыхнуло и затрещало...

И Невыразимову стало легче.

1 От франц. objet (предмет).